

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

УДК 339.9

**ИНОСТРАННЫЕ
ИНВЕСТИЦИИ
В ГОСУДАРСТВАХ
ПРИБАЛТИКИ:
К ВОПРОСУ
О СОПЕРНИЧЕСТВЕ
РОССИЙСКОГО
И СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКОГО
КАПИТАЛОВ**

В. А. Оленченко*

Характер взаимоотношений российского и североевропейского капиталов мало исследован, в частности, требует дополнительного освещения вопрос конкуренции между ними. Особый интерес этот ракурс может представить на территориях, которые географически, исторически и культурологически близки как России, так и странам Северной Европы. Цель статьи — проанализировать, как происходит конкуренция между российским и североевропейским капиталами в сфере инвестиционной деятельности в Прибалтике. В научном плане исследование помогает лучше понять принципы деятельности российского и североевропейского капиталов в Прибалтике, а в практическом — регулировать их отношения. Методологически исследование строится на сравнении условий деятельности в Прибалтике российского и североевропейского капиталов. Анализ позволяет констатировать, что прибалтийский рынок большей частью контролируется североевропейским капиталом, который препятствует приходу в страны Балтии российских инвестиций. С научной точки зрения исследование дает основание сделать уточнения к теории освоения зарубежных рынков. Практические итоги видятся в том, что российский капитал получает представление о том, как предпочтительнее вести дела в Прибалтике.

Ключевые слова: российский капитал, страны Балтии, североевропейский капитал, инвестиции, теория освоения рынков, энергетика, банковский сектор, сектор недвижимости, региональное измерение, инвестиционный климат, Евросоюз

* Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук
117997, Россия, Москва, В-71,
ГСП-7, ул. Профсоюзная, 23

Поступила в редакцию 15.03.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-2-3

© Оленченко В. А., 2015

Введение

Анализ нынешнего состояния инвестиционного присутствия иностранного капитала в Прибалтике неизбежно приводит к констатации того, что конкуренция в этой сфере происходит в основном между российским и североевропейским капиталами.

Наиболее очевидно конкуренция проявляется в сфере энергетики, где североевропейцы настойчиво стремятся потеснить российские позиции. Жесткое сопротивление российскому капиталу со стороны североевропейского наблюдается в финансовом секторе (банковский, страховой бизнес, лизинг, пенсионные фонды). Здесь североевропейцы, используя традиционные и скрытые формы конкуренции, препятствуют расширению российских инвестиций и одновременно пытаются подавлять активность уже имеющихся объектов российских инвестиций. Любопытная ситуация сложилась на рынке недвижимости (главным образом сектор жилья) Прибалтики, где продавцами прибалтийской недвижимости чаще всего выступают североевропейские компании, а среди покупателей преобладают представители России. Такие сделки приносят прибыль североевропейскому бизнесу, но увеличивают объем российских активов в сфере недвижимости в Прибалтике. В данном случае страны Балтии выступают пространством бизнеса между североевропейским и российским капиталами.

Речь идет о прямых инвестициях. Что касается портфельных, то здесь не приходится говорить о какой-либо заметной конкуренции, так как и организационно и фактически североевропейский капитал в Прибалтике в этом сегменте добился практически полной монополии, не оставляя значимого места не только российскому, но и никакому другому иностранному капиталу.

Если говорить о современных тенденциях, то факты и статистика свидетельствуют, что североевропейский капитал в последние 15 лет более результативно, чем российский, осваивает прибалтийское инвестиционное пространство. Более того, усиление роли и значения североевропейского капитала происходит в основном за счет завоевания позиций, ранее принадлежавших российскому капиталу.

Концептуальные предпосылки соперничества

Столкновение российских и североевропейских интересов в Прибалтике имеет глубокие исторические корни и вполне естественно, что оно должно было получить свое сегодняшнее продолжение — на этот раз в форме конкуренции капиталов. Концептуально противостояние российского и североевропейского капиталов в Прибалтике научно обосновано. Так, исследования (Р. Вернон, США; Я. Юхансон, Уппсальская школа, Швеция) по интернационализации капитала, то есть освоения им международных рынков констатируют, что география этого процесса начинается преимущественно с территорий, близких по

культурно-историческому развитию [1, с. 36—42]. В этом смысле Прибалтика выступает равноценно комфортной и для российского и для североευропейского капиталов и вполне понятно, что и тот и другой охотно устремляются в прибалтийское пространство, рассматривая его наиболее близким себе [2, с. 140]. Безусловно, следует учитывать дифференциацию каждой из прибалтийской республик, вытекающую из особенностей их исторического развития. Так, Эстония идентифицирует себя с родственной Северной Европой, и здесь в чистом виде присутствует конкуренция между российским и североευропейским капиталами. В Литве соперничество между российским и североευропейским капиталами «разбавлено» присутствием польского и белорусского капиталов. В Латвии — до недавних пор проявлял активность германский капитал, который постепенно уходит с латвийского рынка в пользу североευропейского капитала, оставляя поле конкуренции для последнего и российского.

На этом фоне не может не обращать на себя внимание и то, что систематическому обострению отношений России с прибалтийскими республиками зачастую предшествует «наступление» североευропейского капитала на российские позиции в Прибалтике. Более того, рождается гипотеза того, что поддержание и культивирование хронической конфликтности российско-прибалтийских связей может происходить не без помощи североευропейских стран. Кажется, в большинстве случаев североευропейцы могут выступать регулятором этого процесса, имея целью создание для российского капитала недружественного инвестиционного климата, а следовательно, генерирование дополнительных конкурентных преимуществ для себя, тем более что в настоящее время североευропейский капитал занимает доминирующее положение на прибалтийском рынке.

Особенности становления североευропейского капитала в Прибалтике

После обретения государственной независимости в начале 90-х гг. XX в. страны Балтии, как и другие страны постсоциалистического пространства, приступили к переводу своих экономик с социалистического уклада на рыночные условия. Формирование рынка, естественно, привлекло внимание иностранного капитала. В силу географических и исторических традиций им оказался в основном североευропейский капитал, то есть отчетливо проявилась отмеченная выше закономерность стремления капитала осваивать наиболее близкие ему в культурном отношении территории [1]. Что касается профиля капитала, то ведущим среди прочих выступил финансовый капитал, происходящий в основном из Швеции¹.

Североευропейский капитал первое время придерживался тактики поэтапного освоения рынка, приобретая небольшие доли у местного

¹ Финансовые группы SEB и Swedbank.

капитала, постепенно наращивая и расширяя их, но избегая публичности. В результате, к примеру, к концу 90-х гг. XX в. группе SEB в Литве принадлежал на 95% самый крупный местный банк «Вильняус банкас», но новые владельцы сознательно сохраняли его литовское название и позиционировали как банк национального капитала. В равной мере это относится к другому прибалтийскому банку — «Ханса банк», созданному в Эстонии местными предпринимателями, у которых его перекупила группа Swedbank, также предпочитавшая оставаться инкогнито.

Поведение североевропейцев мотивировалось рядом обстоятельств. Учитывалось, в частности, то, что прибалтийское население недоверчиво по своему менталитету и при прочих равных отдает предпочтение национальному. Кроме того, прибалтийские предприниматели сумели убедить североевропейцев в том, что обладают исключительным опытом ведения дел в России, и поэтому североевропейский капитал в 90-х гг. XX в. появлялся в России и развертывал свою деятельность под видом прибалтийских банков и компаний. Вследствие этой комбинации в России сложился имидж прибалтийских банков как надежных и авторитетных. Позже североевропейцы, когда освоились на прибалтийском и российском рынках, отказались от такой практики и обнародовали свои действительные бренды, под которыми они теперь представлены в России. Вместе с тем прибалтийские предприниматели продолжают эксплуатировать возникший имидж их повышенной деловой репутации и, опираясь на него, популяризируют среди российского населения привлекательность национальных прибалтийских кредитных и в целом деловых организаций. В определенной мере их пиар находит отклик среди россиян, которые размещают свои деньги в прибалтийских банках, несмотря на то, что периодически некоторые из них оказываются банкротами или подвергаются санации. К примеру, банк Snoras в Литве или банк Citadele в Латвии.

Энергетика

Сегодняшняя экономическая повестка Прибалтики насыщена, а точнее, перенасыщена разнообразными энергетическими проектами. Это соединение энергокабелями Финляндии и Эстонии (Estlink-1, Estlink-2), Швеции с Литвой и Латвией (NordBalt), создание терминалов по приему сжиженного газа (Латвия — Лиепая, Литва — Клайпеда, Эстония — Мууга, Палдиски) и сооружение газопровода между Польшей и Литвой (LitPol).

Даже простое перечисление проектов порождает вопрос о том, насколько они нужны странам Балтии в практическом плане. В этой связи просматривается ряд мотивов, которыми можно было бы объяснить прибалтийскую активность в формировании такого числа энергетических проектов, чья суммарная мощность превышает масштабы национальных потребностей.

Первый мотив — наиболее понятный — создать независимый источник энергии для промышленных и хозяйственных нужд. Эта по-

требность поддается измерению, поскольку можно подсчитать, сколько потребляется сейчас и, возможно, будет потребляться в будущем. Видится двойная польза — экономия средств, расходуемых сейчас на импорт энергии, и направление их на другие цели, в частности для устранения возможных препятствий, сдерживающих расширенное воспроизводство. Очевиден и критерий целесообразности затрат на реализацию проекта в виде цены единицы энергии. Если себестоимость производства единицы энергии будет ниже цены импортируемой энергии, то проект — рентабелен, если же выше, то это будет означать снижение конкурентоспособности производимых товаров, то есть конечный результат окажется обратным ожиданиям. Однако производственный мотив в настоящее время не столь актуален для стран Балтии, где, по оценке экспертов, отмечается деиндустриализация, вызванная выравниванием прибалтийских национальных экономик со сложившейся в Евросоюзе структурой разделения труда.

Второй мотив — повысить инвестиционную привлекательность страны за счет дешевых источников энергии. В случае со странами Балтии значение цены энергии как компонента инвестиционной привлекательности имеет исключительное значение, так как другие компоненты улучшению не поддаются. К примеру, такой компонент, как природные ресурсы, не может быть искусственно восполнен, поскольку Прибалтика не располагает полезными ископаемыми, которые по своему составу или количеству могли бы заинтересовать серьезных инвесторов. Нельзя считать Прибалтику привлекательной и с точки зрения рабочей силы. Традиционно основу квалифицированной рабочей силы здесь составляли специалисты из других советских республик, большая часть которых после обретения прибалтийскими республиками независимости, вернулась на родину или эмигрировала. Прибалтам с трудом удастся преодолеть этот стереотип, и пока коренное население может сейчас претендовать в странах ЕС в основном на статус неквалифицированной рабочей силы.

Третий мотив — производство энергии с целью ее возможного экспорта. На настоящий момент объективные условия реализации существуют, так как прибалтийские республики в бытность в Советском Союзе были включены (закольцованы) в единую советскую электросеть, позволявшую оперативно и в любых размерах перебрасывать электроэнергию из одной части СССР в другую. Схема пока работает и в случае сбоя Прибалтика в течение нескольких минут (доказанное время 3—5 минут) получает электроэнергию из России или Белоруссии. После отключения, чего добиваются местные власти, прибалтийские республики действительно окажутся в энергетической изоляции, обусловленной в том числе их географическим положением. Следовательно, вопрос об экспорте как обмене электроэнергией с Россией и Белоруссией потеряет свой смысл.

Четвертый мотив — возможность получения выгоды и дохода за счет транзита энергии. Здесь возможны два варианта. Один транзит между прибалтийскими республиками, имеется в виду приграничье, и

второй — в Польшу и североевропейские страны и получение выгоды. В настоящее время прибалтийские страны примеряются к национализации путепроводов и линий электропередач, имеющих на их территории, с целью обеспечить себе устойчивый доход на будущее.

Любопытно, что прибалтийские должностные лица в публичных заявлениях по энерготематике не обращаются ни к одному из перечисленных мотивов, а делают упор на том, что все предлагаемые ими проекты подчинены одной главной цели — освобождению от энергетической зависимости от России.

Лозунг преодоления энергозависимости

Термин «энергозависимость» введен в оборот относительно недавно — в 90-х гг. XX в. и первоначально предназначался для стран Балтии, обретших государственную самостоятельность в тот период, но якобы продолжавших испытывать подчиненность России в связи с сохранявшимися двусторонними хозяйственными связями, что особенно было заметно в части объемов экспорта в Россию прибалтийской сельскохозяйственной продукции и объемов импорта российских энергоносителей: природного газа и электроэнергии. Термин адресовался к странам Западной Европы и его лейтмотивом служил призыв помочь прибалтийским республикам сохранить свою идентичность, предоставив им, в частности, членство в Евросоюзе. Усилиями западных политиков термин прижился и несколько позже стал применяться расширительно для характеристики в целом отношений России и Евросоюза в части поставок российских углеводородов в Европу. В настоящее время приобрел характер одного из основных лозунгов отношения к России со стороны западных партнеров и имеет исключительно антироссийский ракурс.

Интересно, что среди базовых экономических терминов, представляемых академическими профильными словарями, понятие «энергозависимость» не встречается. Выяснение этимологии слова дает основание полагать, что источником происхождения термина «энергозависимость» является биология, где он обозначает взаимное потребление энергии разными объектами в форме обмена как условие жизни. Аналоги в романских языках, прежде всего английском, выражаются словом *volatility*, которое переводится как изменчивость, непостоянство, неустойчивость. Видимо, термин понравился тем, что таким образом можно презюпцировать Россию как ненадежного партнера.

Даже если отвлечься от антироссийского содержания термина «энергозависимость», то тем не менее просматриваются два его серьезных изъяна, ставящих под сомнение обоснованность его применения в экономической теории и практике. Первый изъян видится в том, что энергоносители как выразитель энергозависимости не рассматриваются как товары, каковыми они в действительности являются, а как некая величина, порождающая зависимость. Второй изъян заключается в том, что

термин дезориентирует производителей и потребителей, которым внушается, что последние вступают не в отношения товарного обмена с поставщиками энергоносителей, а в какую-то опасную связь с непредсказуемыми последствиями.

В практическом же плане следует констатировать, что в каждой из прибалтийских республик основой генерации энергетики служат разные объекты: в Латвии — гидроэлектростанции на р. Даугава, в Литве — до недавнего времени Игналинская АЭС (70% всего потребления), в Эстонии — тепловые электростанции, использующие в качестве топлива местный сланец (около 50% всего потребления). Как видим, ни один из названных источников энергии не связан с Россией.

Отмечается и различие подходов к реализации лозунга освобождения от энергозависимости от России. К примеру, литовское политическое руководство долгое время строило планы по сооружению в Литве атомной электростанции (АЭС), которую предполагалось построить на месте Игналинской АЭС, выведенной из рабочего состояния по требованию Евросоюза с 1 января 2010 г. Швеция и Финляндия, также поддерживающие прибалтийские республики в их намерении преодолеть энергозависимость от России, продвигают иной подход: они реализуют идею переподключения энергосистем Балтии к шведским и финляндским источникам генерации электроэнергии, имея в виду в основном свои национальные АЭС.

Можно под энергозависимостью понимать влияние стоимости энергоносителей на конечную цену для потребителей энергии в Прибалтике как для промышленности, так и домохозяйств. В этом случае придется констатировать, что замещение поступления электроэнергии из России, к примеру, источниками из Финляндии (Estlink-1) характеризовалось почти удвоением цены электроэнергии для домохозяйств Эстонии с 0,0288 евро за кВт в 2007 г. до 0,0488 — в 2014 г. [3].

Если принять постоянно тиражируемый тезис об энергозависимости как истинный, то тогда возникает вопрос о том, где пределы энергозависимости, то есть до каких границ страна может прибегать к поставкам энергии из России, не опасаясь попасть в зависимость. Авторы и популяризаторы тезиса не приводят таких цифр и избегают рекомендаций по оптимальному поведению, утверждая, что решение должно носить радикальный характер, то есть эффективность достигается лишь при отказе от импорта энергоносителей из России. Другими словами, странам импортирующим углеводороды и электроэнергию из России, дают понять то, что любое соприкосновение с Россией опасно — это как носитель вируса, с которым лучше всего избегать контактов.

Попробуем за авторов найти границы энергозависимости. В качестве ориентира можно было бы взять нормативы применения в ЕС возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Они кажутся наиболее подходящими, так как крайне трудно прогнозировать их надежность, поскольку речь идет о природных стихиях, не подвластных человеку. Каждый элемент ВИЭ — солнце, ветер, вода — могут повести себя в любой момент непредсказуемо и соответственно поступление генерируе-

мой им энергии необходимо будет их замещать надежными источниками. Под этим углом зрения можно провести определенные параллели с лозунгом энергозависимости. Евросоюз до недавних пор ставил странам-членам задачу довести долю ВИЭ в балансе национального потребления электроэнергии до 20%, а по итогам октябрьского 2014 г. саммита ЕС этот «потолок» может быть повышен до 40%.

Приведенные нормативы можно с определенной долей условности считать восприятием в Евросоюзе оптимальных границ энергозависимости, гарантирующих стабильность экономического функционирования. Сравним их с долей российских углеводородов в общем импорте энергоносителей в Евросоюз. Она находится на уровне 34%, что вписывается в параметры гарантированной энергозависимости ЕС и, следовательно, не должно вызывать беспокойства. Однако это — наши рассуждения. Авторы же лозунга энергозависимости не приводят свои расчеты в части границ его применения, что лишает вопрос возможности конкретной полемики и предметного обсуждения.

В целом анализ свидетельствует, что лозунг энергозависимости стран Балтии от России не имеет твердых оснований, носит искусственный характер и его основное назначение просматривается в том, чтобы российских поставщиков энергоносителей заместить североευропейскими, а в Литве еще и польскими.

Банковский сектор

Североευропейский финансовый капитал за последние два десятилетия сумел масштабнo обустроиться на прибалтийском финансовом рынке, взяв почти под полный контроль банковский сектор Латвии (более 60%), Литвы (около 70%), Эстонии (более 80%)².

Первоначальным направлением его экспансии в Прибалтике было распространение ссудного капитала в виде агрессивного предоставления кредитов местным предпринимателям и домохозяйствам. По экспертной оценке, в настоящее время суммарный частный долг стран Балтии исчисляется 60 млрд дол., процент с которых обеспечивает североευропейским кредиторам устойчивый доход, рассчитанный на долгосрочную перспективу.

Дальнейшая экспансия североευропейского капитала выразилась в разворачивании на прибалтийском рынке страховых, лизинговых, консалтинговых компаний, пенсионных фондов из Северной Европы, которые тесно связаны между собой устойчивыми деловыми связями и взаимным проникновением капиталов.

В этих условиях попытки российского капитала выйти на прибалтийский рынок финансовых услуг в своем большинстве оказались безуспешными. Так, не сумела долго продержаться на рынке российская страховая компания РЕСО — ей были предъявлены претензии в ненадлежащем выполнении местного законодательства. Действительная при-

² Процент североευропейских банков в национальном банковском секторе.

чина заключалась в том, что компания отвлекала на себя заметную часть клиентуры из числа русскоговорящего населения Прибалтики. В Литве в 2011 г. был национализирован банк Snoras, контролировавшийся капиталом российского происхождения. Он составлял конкуренцию северо-европейским банкам тем, что обладал самой разветвленной сетью отделений, равномерно распространенной по литовской территории. После национализации сеть была передана северо-европейским банкам, более 50% которой досталась лидеру финансового сектора Литвы шведскому банку SEB.

Доминирование северо-европейского капитала на прибалтийском финансовом рынке не является темой табу в странах Балтии и обсуждается на экспертном уровне, в общественно-политических кругах. Сложилась прослойка населения (можно характеризовать ее как северо-европейское лобби), которая финансовый и в целом экономический патронаж стран Северной Европы над Прибалтикой рассматривает как существенный и серьезный позитив.

Их аргументация сводится к тезису того, что в условиях продолжающихся последствий глобального кризиса 2007—2009 гг., кризиса в зоне евро, приобретшего публичный характер весной 2010 г., сохраняющейся турбулентности в мировой экономике, экономическая интеграция со странами Северной Европы, прежде всего Швецией и Финляндией, хотя неофициальная, но практическая может служить своего рода гарантом экономической стабильности Прибалтики.

Этот тезис обоснован, если воспринимать Швецию и Финляндию и в целом северо-европейские страны как факторы, не подверженные изменениям и всегда несущие положительное воздействие. Однако ретроспектива и текущие события не дают веских оснований так считать. Швеция и Финляндия в начале 90-х гг. пережили масштабные национальные экономические кризисы, и некоторые эксперты допускают, что выход их из кризисного состояния был достигнут в том числе за счет доходов северо-европейского капитала, полученных в ходе экспансии в Прибалтике.

В настоящее время центробанки Дании, Швеции стали применять отрицательную учетную ставку, а Финляндия приступила к выпуску облигаций с отрицательным доходом³. Оба факта означают, что перечисленные страны сталкиваются с трудностями стимулирования экономического развития. В этом случае разносторонние экономические связи Северной Европы и Прибалтики становятся каналом быстрого и масштабного распространения кризисных явлений и на оба региона. А почему должно быть иначе, если их связывает плотная интеграция? Тем не менее уместен риторический вопрос: обладают ли страны Балтии каким-то механизмом ограждения от потенциального северо-европейского экономического негатива? Видимо, прибалтийские политики и экономисты, главным образом те, которых можно отнести к государ-

³ В Европе четыре страны прибегают к такой практике: Дания, Швейцария, Швеция, Финляндия. Из них три относятся к северо-европейским странам.

ственникам, задумываются о профилактических мерах, но реально на данный момент им нечего противопоставить североευропейскому лобби в Прибалтике, которое глубоко и разносторонне присутствует в прибалтийской политике и экономике.

Сектор недвижимости

Обустройство североευропейских финансовых групп на прибалтийском рынке в настоящее время обрело характер широко разветвленной финансовой структуры, включающей в том числе агентства по торговле недвижимостью, которые, как правило, аффилированы с ведущими североευропейскими банками.

В рамках этой структуры складывается схема торговли недвижимостью, в которой покупателями выступают российские инвесторы, а продавцами североευропейские профильные компании. Особенность схемы заключается в том, что Прибалтика становится просто местом совершения сделок между российскими инвесторами и североευропейскими предпринимателями.

Так, денежные средства российских инвесторов в недвижимость практически не перемещаются в пространстве, а просто меняют своего владельца. К примеру, российский инвестор делает депозитный вклад в одном из действующих в Прибалтике банков. Скорее всего, это будет SEB или Swedbank. При намерении обзавестись собственностью в одной из стран Балтии этот инвестор обращается за консультацией к действующим на прибалтийском рынке агентствам, которые в своем большинстве принадлежат указанным североευропейским банкам. Последние, располагая достоверной информацией о платежеспособности клиента, имея в виду, что им известен масштаб его финансовых возможностей, то есть объем его сбережений в этих банках, подбирают ему варианты собственности, исходя из сумм, условий и информации о том, насколько он заинтересован и как может быстро конвертировать размещенные средства в недвижимость. Под конкретные обстоятельства формируются схемы, побуждающие клиентов действовать именно по выгодному для банка сценарию.

Рассматривать уязвимые места российских инвесторов можно и в более широком плане. Так, не секрет, что большая часть российских средств, пригодных для инвестиций, концентрируется в офшорных территориях. Главным их изъяном выступает то, что сведения об этих средствах и намерениях их применения зачастую становятся известны в западном банковском сообществе. Наиболее наглядный пример — санация кипрского банковского сектора Евросоюзом в 2013 г. Следовательно, надо исходить из того, что в большинстве случаев инвестиционные намерения российского офшорного капитала становятся известными конкурентам задолго до того, как они обретут какой-то конкретный вид.

Для наглядности гипотетически представим себе ситуацию, что, к примеру, известный банк JP Morgan Stanley разместил бы средства в российских банках и под российской юрисдикцией и одновременно го-

товился бы к инвестициям на российской территории или в отношении российских активов. Ответ на вопрос, кто обладал бы в этой ситуации преимуществами в борьбе за активы — JP Morgan Stanley или его российские конкуренты, кажется более чем понятным. Остается только примерить такую же схему к отношениям между российским инвестиционным капиталом в Прибалтике и действующими там североευропейскими финансовыми компаниями и банками.

Инвестиционный климат

Применительно к России инвестиционный климат в Прибалтике формируется двумя группами факторов. Первая — это местные власти, которые законодательно и практически его регулируют. Так, 90-е гг. XX в. и 2000-е отличаются повышенной конфронтационностью стран Балтии по отношению к России. Она носит систематический характер, выражается в пристрастном суждении о российской внутренней и внешней политике и в амбициозных попытках предъявлять претензии России по вопросам, не имеющим прямого отношения к Прибалтике.

Из их числа наиболее ярким примером может быть нынешняя ситуация на Украине и вокруг нее. Страны Балтии, активно поддержавшие санкционный режим в отношении России и Евросоюза, относятся к той небольшой группе стран, которые не только выступают за сохранение санкций в отношении России, но и настаивают на их ужесточении.

Те, кто заинтересован в поддержании напряженных отношений между странами Балтии и Россией, стремятся придать их нынешней конфронтационности характер традиционного состояния российско-прибалтийских отношений. Однако здесь достаточно отчетливо просматривается разделительная линия между нынешним прибалтийским руководством и населением. Так, руководители Латвии, Литвы, Эстонии выбрали стержнем внешней политики своих стран русофобию. Итоги же недавних избирательных кампаний в Прибалтике показывают, что электорат отдает предпочтение тем партиям, которые выступают за нормализацию отношений с Россией и поддержание с ней добрососедских отношений. Так, на президентских выборах в мае 2014 г. литовский президент Д. Грибаускайте, которая олицетворяет антироссийский уклон в политике Литвы, смогла переизбраться только со второй попытки при минимальном перевесе. В Латвии на парламентских выборах в ноябре 2014 г. наибольшее число голосов набрала партия «Согласие», выступающая за равноправный диалог с Россией. В Эстонии на парламентских выборах в марте 2015 г. подтвердила свою популярность Центристская партия, придерживающаяся того, что российский вектор должен быть неотъемлемой частью эстонской внешней политики.

Вторая группа факторов формирования инвестиционного климата в Прибалтике имеет североευропейское происхождение. Так, атмосферу неприятия России поддерживают и североευропейские банки в Прибалтике. Большей частью это происходит в завуалированной форме, в частности в виде регулярно распространяемых в странах Балтии на мест-

ных языках банковских бюллетеней об экономической конъюнктуре в регионе. Как правило, в них есть отдельный раздел, посвященный России, который обычно выдержан в негативных тонах⁴.

Дополнительным фактором усиления влияния североевропейского капитала на функционирование литовского финансового рынка стало недавнее учреждение института финансового рынка Литвы (*Lietuvos finansų rinkų institutas (LFRI)*) [4]. Состав его участников любопытен тем, что здесь, как и в целом в финансовой сфере Прибалтики, преобладают представители североевропейского капитала, которые олицетворяют основные сегменты финансового рынка: банки, инвестиционные фонды, консалтинговые услуги в сфере финансов, фондовую торговлю⁵[5].

В качестве основной миссии института, которому, судя по всему, придаются некоторые координационные функции, названа разработка рекомендаций по укреплению сложившихся рамок рынка. Примечательно, что отсутствуют ссылки на конкуренцию как двигатель бизнеса и не говорится о стагнации рынка в результате его монополизации. В этой связи интересен проект института по изданию справочника по литовскому финансовому рынку (*Baltic Financial Markets Handbook*), который должен, по замыслу авторов, формировать представление о рынке, выгодное учредителям. Закрепление тем подготовленного справочника за учредителями может служить подсказкой специализации североевропейских финансовых учреждений на литовском и, возможно, в целом на прибалтийском рынке [4].

Логично, что участники-учредители института генерируют и реализуют идеи, укрепляющие и расширяющие конкурентоспособность североевропейского капитала в Прибалтике, то есть усиливают статус прибалтийского финансового рынка как части внутреннего финансового рынка Северной Европы. Такого ориентира, в частности, придерживаются шведские финансовые группы, доминирующие в странах Балтии.

В целом обращение североевропейцев с прибалтийским рынком как сегментом внутреннего рынка Северной Европы можно рассматривать как своего рода гарантийное свидетельство для североевропейских инвесторов, а можно понять одновременно и как предупреждение для иностранных инвесторов, не относящихся к североевропейскому ареалу.

Значение опыта конкурентного противостояния

Российский и североевропейский капиталы, представленные в странах Балтии, обладают разным опытом преодоления конкурентного сопротивления при работе на зарубежных рынках. Первое разделяющее их обстоятельство — сроки функционирования компаний, другое — навыки освоения внешних рынков, третье — имиджевое воздействие.

⁴ Банки SEB, Swedbank, Nordea.

⁵ Swedbank, DNB, SEB, Nordea, fondus «Lords LB Asset Management», Baltcap, Litcapital, bendroves «Neries investicijos», KPMG, Opus Capita, Nasdaq OMX Baltic, Gild Corporate Finance ir Sorainen.

Так, ведущий шведский банк Swedbank — один из главных участников прибалтийского финансового рынка, датирует свое появление 1820 г. [6]. Другой активный участник рынка стран Балтии — финляндский банк Nordea ведет отчет своей деятельности также от 1820 г. [7]. В этом отношении российские банки в Прибалтике явно находятся в не равном положении. К примеру, российский СМП Банк, действующий в Латвии, зарегистрирован 11 апреля 2001 г. [8]. Дистанция в опыте между шведскими и российскими банками, представленными в Прибалтике, — 191 год, в этом свете обретение СМП Банком доли прибалтийского рынка можно расценить как комплимент банку.

В части навыков освоения внешних рынков привлекает внимание то, что они вытекают, к примеру, у шведских банков в большей части из опыта деятельности на внутреннем рынке. Так, особенностями шведской экономики выступает жесткое государственное регулирование, направленное на обеспечение полной занятости и выравнивание доходов. Соответственно можно предполагать формирование и совершенствование шведскими компаниями навыков последовательного и настойчивого преодоления государственного влияния с целью постоянного улучшения своих позиций. Эти навыки при экспансии на рынке Прибалтики оказались конкурентным преимуществом шведов, которые сумели, если не сказать, что подавить прибалтийский госаппарат, то создать во всяком случае условия для беспрепятственного проведения своих интересов. Российский же капитал, объективно оценивая его деятельность за рубежом, пока полностью не овладел навыками успешной конкурентной борьбы на внешних рынках.

Что касается влияния имиджа капитала, то в новой истории, к примеру, шведский капитал ассоциируется для большинства с понятием «шведская модель», что считается тождественным стабильности и процветанию. Долгое время (с 1936 г.) она воспринималась как срединное явление между социализмом и капитализмом и этим была привлекательна для стран Балтии, искавших пути перехода от социалистического хозяйствования к рыночной экономике. Отказ в мировой практике от традиционного противостояния между идеологиями социализма и капитализма привел к тому, что образ шведской модели оказался размытым и затрудненным для восприятия, но привлекательности не потерял [9]. Образ российского капитала подвергается постоянному деформированию, генерируемому западными СМИ: то его обвиняют в связях с криминальным миром (начало 90-х гг. XX в.), то в отсутствии стабильности (конец 90-х), то государственной зарегулированности (первая половина 2000-х), то в коррумпированности (вторая половина 2000-х), то в изолированности и агрессивности (текущий момент).

По всем трем показателям — сроки присутствия на рынке, навыки конкурентной борьбы, общий имидж — российский капитал выглядит менее конкурентоспособным, чем североευропейский. Резерв улучшения ситуации видится в инвестировании российским капиталом средств в улучшение имиджа и внимательном изучении методов деятельности конкурентов.

Различия региональных подходов

Концептуально североевропейцы считают себя лидером в регионе Балтийского моря и претендуют на то, чтобы формировать здесь политику и патронировать ее проведение в жизнь. Свое особое положение в регионе они аргументируют статистикой ВВП. По их данным, с которыми частично солидаризуется Евросоюз, на североевропейские страны приходится почти 60 % ВВП региона Балтийского моря, на северные районы Германии и Польши — соответственно 14,5 и 5 %, районы Северо-Западного федерального округа России — 14 %, страны Балтии — 7 %. Понятно, что такая методика расчета условна и вызывает вопросы, в частности, почему североевропейцы оперируют данными своих национальных ВВП, а в отношении других государств Балтийского моря, за исключением стран Балтии, — только прибрежными территориями? Внятных объяснений североевропейцы не дают, но продолжают активно пользоваться данной методикой [10, с. 39].

Характерно, что Швеция и Финляндия — наиболее близкие географически Прибалтике и России — придерживаются следующей тактики. Идея того или иного регионального балтийского формирования обычно дискутируется без привлечения России. Без ее участия формируются механизмы деятельности объединения. Не поступает приглашения России принять участие и в институализации объединений. Когда же объединения становятся субъектом международного права, России предлагают кооперироваться с ними в том или ином виде, вплоть до присоединения. Естественное желание России при этом обозначить, а тем более отстаивать свои национальные интересы интерпретируются для общественного мнения как обычное российское противопоставление себя западному сообществу. В качестве примеров можно указать программу «Северное измерение», Стратегию для Балтийского региона [10, с. 40—45].

В этом контексте североевропейские амбиции на экономическое доминирование в Прибалтике предстают как часть их общебалтийской стратегии лидерства. Более того, шведские финансовые группы (Swedbank, SEB) классифицируют страны Балтии как сегмент своего внутреннего рынка (home market) [6]. Вторая по национальной значимости финляндская финансовая группа OP-Pohjola Group исходит из того, что Финляндия и Эстония являются единым рынком [11]. Приведенные подходы не представляют собой секрета, однако официальные власти Латвии, Литвы, Эстонии публично не отвергают такую постановку вопроса, то есть фактически признают ее обоснованность. Соответственно для иностранных инвесторов правомочен при размещении инвестиций в Прибалтике вопрос о факторах регулирования прибалтийского рынка и формирования на нем условий для свободной конкуренции.

Что касается России, то в отношении прибалтийских республик традиционен термин «приграничное сотрудничество». Имеется в виду, что экономические интересы прибалтийских республик не отличаются большой географической глубиной и зачастую исчерпываются регио-

нами, включенными в российский Северо-Западный федеральный округ. Так, такие ориентиры предлагаются для развития отношений с Латвией, которая чаще, чем Эстония, и тем более Литва, демонстрирует на российском направлении подходы, основанные на прагматизме (см., к примеру, выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Латвии Э. Ринкевичем. Москва, 12 января 2015 года) [12].

Значение Евросоюза

Внешняя политика стран Балтии после обретения ими независимости в начале 90-х гг. XX в. была подчинена задаче присоединения к Евросоюзу, что произошло в мае 2004 г. В рамках Евросоюза прибалтийские республики сразу стали блокироваться и блокируются по настоящее время с теми странами-членами, у которых идея политического диалога с Россией и развития с ней экономического партнерства не вызывает энтузиазма.

Более того, страны Балтии и Польша предпринимали активные усилия по насаждению в целом в Евросоюзе атмосферы недоверия к России и неприятия ее в качестве добросовестного экономического партнера. В этом русле ими продвигался тезис о том, что страны-члены Евросоюза должны проводить единую политику в отношении России, предлагая в качестве основы конфронтационность и создание препятствий для российской политики по развитию отношений с Евросоюзом. Наиболее рельефно это проявилось при реализации проекта «Северный поток» по доставке газопроводом по дну Балтийского моря российского природного газа в Западную Европу. Российским инвестициям в рамках данного проекта противопоставлялась сомнительная альтернатива в виде прибалтийско-польского проекта газопровода с месторождений на Кавказе в Европу (проект «Набукко») с расчетом, что он через Польшу выйдет на Литву, оттуда в Латвию и Эстонию, а затем — в Финляндию. Страны Балтии и Польша при поддержке североευропейских стран настаивали на том, чтобы их проект был бы принят в Евросоюзе в качестве одного из главных и первоочередных инфраструктурных проектов. Авторы идеи надеялись таким образом лишить проект «Северный поток» политической и экономической целесообразности.

Аналогичную политику прибалтийские республики проводили в отношении российских инвестиций и в рамках своих национальных территорий. Здесь руководство Латвии, Литвы, Эстонии не только препятствовало российским инвестициям, но и стремилось изменить право собственности российских активов в свою пользу. Наглядным примером может служить отношение прибалтийских стран к применению директивы ЕС 2009/73/ЕК (так называемая «газовая директива») по разделению производителей газа, транзитеров газа и поставщиков конечному потребителю. Директива содержала изъятие для стран Балтии и Финляндии, которые квалифицировались как изолированный рынок и им позволялось применять нормы директивы в добровольном порядке.

Кроме того, после принятия директивы (03.09.2009 г.) отводилось 18 месяцев на адаптацию, то есть к директиве рекомендовалось обращаться не ранее марта 2011 г. Прибалтийское руководство проигнорировало оба обстоятельства и уже весной 2010 г. инициировало процесс раздробления и отчуждения российских активов в газовой сфере в Прибалтике [13, с. 372—375].

Странам Северной Европы совместное членство с прибалтийскими республиками в Евросоюзе представляет интерес по ряду моментов. В частности, оно служит своего рода гарантией неприкосновенности североευропейских инвестиций в Прибалтике и твердого обеспечения доходов с них, с другой — создает североευропейскому капиталу в странах Балтии конкурентные преимущества перед капиталом других стран, не входящих в состав Евросоюза, но близких прибалтийским республикам географически и культурно-исторически. Кроме того, ротационное председательство североευропейских стран в Евросоюзе предоставляет возможности продвижения решений, выгодных североευропейскому капиталу. В частности, обращает на себя внимание, что так называемая «газовая директива» была принята в качестве официального документа Евросоюза в период председательства Швеции, и в настоящее время ее реализация привела к частичному вытеснению России с газового рынка Прибалтики и замещению поставками из Норвегии.

Заключение

Выводы видятся в виде нескольких групп. Одна — выводы, касающиеся собственно прибалтийского рынка. Другая — в части взаимоотношений российского и североευропейского капиталов. Еще одна — уточнения к концептуальному обоснованию иностранных инвестиций на зарубежном рынке.

В рамках первой можно констатировать, что проанализированная ситуация в сфере прямых иностранных инвестиций в странах Балтии свидетельствует, что положение дел здесь очень далеко от того состояния, которое принято называть свободной конкуренцией. Рынок зарегулирован местными властями и монополизирован североευропейским капиталом. В результате затруднено поступление на прибалтийский рынок инвестиций от инвесторов, прямо или косвенно не связанных с североευропейским капиталом. Последний, судя по всему, исчерпал большую часть своего инвестиционного интереса в Прибалтике, но тем не менее препятствует возможностям прихода сюда других инвесторов. В целом рынок стран Балтии как бы законсервирован североευропейским капиталом, а следствием стала стагнация национальных прибалтийских экономик, которая приобретает хронический характер.

В целом можно утверждать, что страны Балтии под воздействием североευропейского капитала постепенно, но последовательно трансформируются в состояние, которое уместно называть не столько национальным рынком, сколько бизнес-пространством для взаимодействия и конкуренции иностранных капиталов. В принципе это отвечает

доминирующей в западном сообществе идее ограниченного суверенитета малых стран, которая является одним из современных ответвлений концепции евроатлантизма.

Что касается соперничества российского и североевропейского капиталов, то приведенные примеры и описанные схемы свидетельствуют о том, что поведение североевропейского капитала по отношению к российскому можно с очень большим допуском называть добросовестной конкуренцией.

Возникает ряд вопросов, которые вряд ли стоит считать риторическими. Первый — присуще ли это североевропейскому капиталу только в Прибалтике во взаимоотношениях с российским или следует быть готовым к аналогичному поведению североевропейского капитала независимо от места и времени его приложения? Касается ли это только отдельных видов североевропейского капитала или это его общая национальная черта? Соответственно — должен ли российский капитал учитывать прибалтийский опыт общения с североевропейским капиталом везде и всегда или считать его неприятным исключением?

К примеру, поведение шведского капитала в России не всегда можно назвать корректным в части исполнения российского законодательства. Так, известная шведская компания по производству косметики Oriflame пока не смогла опровергнуть выдвинутые летом 2014 г. утверждения о том, что она применяла специально разработанные схемы для уклонения от уплаты в полном объеме налогов в России [14]. Более того, Oriflame в этой ситуации обращается за содействием к корпоративной солидарности шведских компаний и апеллирует к помощи шведского государства, посол которого Вероника Бард Брингус в контактах с профильным комитетом Совета Федерации Федерального собрания России в ультимативной форме дает понять, что если расследование против Oriflame не будет прекращено, то все 400 шведских компаний, располагающих на российской территории дочерними предприятиями, откажутся от бизнеса в России [15].

В этих условиях российскому капиталу во взаимоотношениях с североевропейским предпочтительнее действовать адекватно, то есть в полной мере пользоваться конкурентными преимуществами там, где это возможно, прежде всего на пространстве СНГ и в рамках Евразийского экономического союза. В то же время не стоит погружаться в эмоции мстительности, но иметь в виду, что существуют реальные возможности для ответных мер на недобросовестную конкуренцию со стороны североевропейского предпринимательства. Капитал так же, как и человек, строит свое поведение, придерживаясь прирожденных или усвоенных рефлексий. Надо помогать североевропейскому капиталу формировать объективную линию поведения во взаимоотношениях с российским капиталом и, в частности, освободиться от иллюзий своей исключительности и неприкосновенности.

Вместе с тем вряд ли оправданно относить наблюдаемую в Прибалтике дискриминацию российского капитала только на счет местных властей и североевропейского капитала. Резонно задать вопрос о том, полностью ли использует российский капитал имеющийся потенциал

для отстаивания своих интересов? Так, основные конкурентные слабости российского капитала в Прибалтике видятся в нескольких обстоятельствах. Одно — размещение финансовых средств в банках тех стран, капитал которых выступает прямым конкурентом российского капитала, что заведомо ставит его в неравное положение. Другое — отсутствие дружественной для российского капитала финансовой инфраструктуры (консалтинговые, юридические, страховые, лизинговые услуги), что вынуждает обращаться к соответствующим компаниям, контролируемым конкурентами, со всеми вытекающими последствиями для бизнеса. Еще одно — не просматривается региональной стратегии российского капитала. Можно добавить и то, что слабо чувствуется координация между различными ветвями российского капитала. Напрашивается мысль о том, что отправной точкой улучшения условий инвестиционной деятельности российского капитала в Прибалтике должно быть устранение перечисленных конкурентных слабостей.

Опыт соперничества российского и североευропейского капиталов в Прибалтике позволяет внести некоторые уточнения в теорию экспансии капиталов на иностранные рынки (Р. Вернон, Я. Юхансон — описана выше). В частности, анализ свидетельствует, что отмеченная в теории закономерность проникновения капитала прежде всего на рынки, близкие географически и в культурно-историческом плане, не носит безусловного характера. Для реализации этой закономерности, как показывает опыт Прибалтики, необходимо формирование однотипных благоприятных инвестиционных условий, иначе, если речь идет о капиталах разных стран, предоставление преференций одним оказывается дискриминацией для других.

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00097 «Оптимизация российских внешних инвестиционных связей в условиях ухудшения отношений с ЕС») в Институте мировой экономики и международных отношений РАН.

Список источников и литературы

1. Кузнецов А. В. Интернационализация российской экономики. М., 2007.
2. Оленченко В. А. Множественность образов корпоративной ответственности // *Zeszyty Naukowe*. 2013. 1(39).
3. Eurostat. Electricity prices components for domestic consumers. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=nrg_pc_204_c&lang=en (дата обращения: 08.02.2015).
4. Институт финансового рынка Литвы. URL: <http://www.lfmi.lt/lt/80-testas.html> (дата обращения: 08.02.2015).
5. Diena. URL: <http://www.diena.lt/naujienos/verslas/imoniu-pulsas/swedbank-prisijunge-prie-finansu-rinkos-vystymo-veiklos-673917#.VNdbBv4cSuk> (дата обращения: 08.02.2015).
6. Swedbank. URL: <https://www.swedbank.com/idc/financialreports/AnnualReview2008/en/adresser/adresser.html> (дата обращения: 05.03.2015).
7. Nordea. URL: <http://www.nordea.com/About+Nordea/Nordea+overview/History/51412.html> (дата обращения: 04.03.2015).

8. СМП Банк. URL: <http://smpbank.bank.ru/> (дата обращения: 03.03.2015).
9. Волков А. М. Трансформация шведской модели // Международная экономика. 2014. № 7. С. 39—48.
10. Кулик С. Россия в Балтийском лабиринте / Институт современного развития. М., 2013.
11. OP-Pohjola Group. URL: <https://www.pohjola.fi/pohjola/group/op-pohjola-group?id=358000&kielikoodi=en> (дата обращения: 02.03.2015).
12. МИД России. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newline/E47437042173F9B643257DCB004C2386 (дата обращения: 21.01.2015).
13. Оленченко В. А. Страны Балтии: особенности современного этапа развития. Год планеты. М., 2012.
14. Агентство РБК. URL: <http://top.rbc.ru/incidents/04/08/2014/940854.shtml> (дата обращения: 02.02.2015).
15. Агентство Прайм. URL: http://www.1prime.ru/state_regulation/20150306/804132680.html (дата обращения: 07.03.2015).

Об авторе

Владимир Анатольевич Оленченко, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Центр европейских исследований, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Россия.

E-mail: olenchenko.vladimir@mail.ru

ON RUSSIAN/NORDIC INVESTMENT COMPETITION IN THE BALTIC STATES

V. Olenchenko*

** Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences.
23 Profsoyuznaya ul., Moscow, 117997 Russia*

Submitted on March 15, 2015

The researchers often overlook the relationships between Russian and Nordic investment capital; and even less attention is paid to studying the competition between the two. Yet this subject can be of particular relevance to the areas that are geographically, historically and culturally close to both Russia and the Nordic countries. Thus, the aim of this article is to understand how the competition between Russian and Nordic capital investment is played out in the Baltic States. The study discusses the principles of Russian and Nordic investment in the Baltic, and suggests ways to regulate these relations. To this end, we compare the investment conditions created in the Baltic States for both Russian and Nordic investors. The analysis shows that most of the Baltic market is controlled by the Nordic capital, which blocks the arrival of Russian investment to the Baltic States. With a nod to a number

of previous studies, the authors of this article suggest some adjustments to the theory of foreign direct investment. The study will be also of practical interest to those Russian investors who are seeking entry points to the Baltic markets.

Key words: Russian capital, the Baltic States, Nordic capital, investment, market development theory, energy, banking, real estate, the regional dimension, the investment climate, EU.

References

1. Kuznetsov, A. V. 2007, *Internacionalizacija rossijskoj jekonomiki* [The internationalization of the Russian economy], Moscow, p. 284.
2. Olenchenko, V.A. 2013, Mnozhestvennost' obrazov korporativnoj otvetstvennosti [The multiplicity of images of corporate responsibility], *Zeszyty Naukowe*, no. 1(39), p. 221.
3. *Electricity prices components for domestic consumers*, Eurostat, available at: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=nrg_pc_204_c&lang=en (accessed 08.02.2015).
4. *Instituta finansovogo rynka Litvy* [Lithuanian Institute of Financial Market], available at: <http://www.lfmi.lt/lt/80-testas.html> (accessed 08.02.2015).
5. „Swedbank“ prisijungė prie finansų rinkos vystymo veiklos, 2015, *Diena*, available at: <http://www.diena.lt/naujienos/verslas/imoniu-pulsas/swedbank-prisijunge-prie-finansu-rinkos-vystymo-veiklos-673917#.VNdbBv4cSUK> (accessed 08.02.2015)
6. *Swedbank*, available at: <https://www.swedbank.com/idc/financialreports/AnnualReview2008/en/adresser/adresser.html> (accessed 05.03.2015).
7. *Nordea*, available at: <http://www.nordea.com/About+Nordea/Nordea+overview/History/51412.html> (accessed 04.03.2015).
8. *SMP Bank*, available at: <http://smpbank.bank.ru/> (accessed 03.03.2015).
9. Volkov, A.M. 2014, Transformacija shvedskoj modeli [Transforming the Swedish model], *Mezhdunarodnaja jekonomika* [International Economics], no. 7, p. 39—48.
10. Kulik, S. 2013, *Rossija v Baltijskom labirinte* [Russia in the Baltic maze], Moscow, p. 215.
11. *OP-Pohjola Group*, available at: <https://www.pohjola.fi/pohjola/group/op-pohjola-group?id=358000&kielikoodi=en> (accessed 02.03.2015).
12. *Russian Foreign Ministry*, available at: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/E47437042173F9B643257DCB004C2386 (accessed 21.01.2015).
13. Olenchenko, V.A. 2012, *Strany Baltii: osobennosti sovremennogo jetapa razvitija. God planety* [The Baltic countries: features of the present stage of development. Year of the Planet], Moscow, p. 480.
14. Sledovateli prishli v Ori flame po "staromu delu" [Investigators came to Ori flame by "old case"], 2014, *the RBC*, available at: <http://top.rbc.ru/incidents/04/08/2014/940854.shtml> (accessed 02.02.2015).
15. Posol Shvecii: RF sozdajutsja prepjatstvija dlja raboty shvedskih kompanij [Swedish Ambassador: Russian obstructed for Swedish companies], 2015, *Agentstvo jekonomicheskoy informacii PRAJM* [Business News Agency PRIME], available at: http://www.lprime.ru/state_regulation/20150306/804132680.html (accessed 07.03.2015).

About the author

Dr. Vladimir Olenchenko, senior research fellow, Center for European Studies, Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: olenchenko.vladimir@mail.ru